

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МАТРИЦЫ: РЕАЛЬНО-ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ИЕРАРХИИ

В статье рассматриваются взаимообусловленность таких феноменов как цивилизация, культура, экономическая система и институциональные матрицы. При более детальном рассмотрении этих социальных явлений, при попытках раскрыть их системную роль, механизмы взаимодействия и закономерности совместного функционирования наблюдается полное отсутствие единства не только среди представителей различных общественных наук (что можно было бы списать на различия в предметах этих дисциплин), но и среди политэкономов и экономистов различных школ и направлений, вплоть до требований вообще отказаться от исследования институциональных (социальных) факторов в рамках экономической теории (предлагается ограничиваться изучением лишь материально-вещественных и финансовых факторов).

Ключевые слова: экономическая система, институциональные матрицы, иерархии, финансовые факторы, реально-вещественные показатели.

Постановка проблемы. Для выяснения социально-экономической сущности институциональных матриц необходимо раскрыть основные принципы категориальной субординации и реального взаимодействия цивилизации, культуры, экономической системы общества и названных матриц. При этом, учитывая то, что все-сторонне охватить любой из названных феноменов в рамках одной работы невозможно, автор оставляет за собой право ограничивать глубину своего исследования своим видением его теоретико-методологических целей, логикой исследования и самого изложения.

Не претендуя ни на универсальность нижеприводимых дефиниций, ни на полный охват литературных источников имеющих касательство к заявленной теме (что вряд ли возможно физически), автор не менее надеется, что предлагаемый им подход способствует выработке единой методологической базы (опирающиеся на научные достижения XX – XXI века), позволяющей системно исследовать в политической экономии такие явления как культура и цивилизация.

Анализ последних исследований и публикаций. Термин «цивилизация» начал использоваться в произведениях западно-европейских философов (Тюрго, 1752 г.; Мирабо, 1757 г.; Фергюсон, 1759г.) [1, с. 85; 2, с. 85; 3, с. 3] со второй половины XVIII в. (Тюрго, 1752 г.; Мирабо, 1757 г.; Фергюсон, 1759г.) и первоначально имел значение, подразумевающее

«...культурное состояние общества, противопоставляемое варварству» [3, с. 3]. В настоящее время можно разграничить не менее пяти основных значений категории «цивилизация»:

во-первых, когда понятие цивилизации отождествляется с понятием культуры. Так, первый том французского коллективного труда «Французская предыстория», который посвящен первобытному обществу, называется «Палеолитические и мезолитические цивилизации Франции», аналогично использует понятие «цивилизация» находим М.Габори в работе «Цивилизации среднего палеолита между Альпами и Уралом» [4] и т.д.. При таком подходе происходит отождествление «цивилизаций» с первобытными археологическими культурами, что лишает термин «цивилизация» какой-либо самостоятельности» [3, с. 4] Одна из причин такого отождествления то, что «в отличие от немецкого и русского языков во французском - понятия «цивилизация» и «культура» жестко не разведены» [5, с. 919];

во-вторых, когда понятием цивилизации, вслед за Л.Г. Морганом [6, с. 9-29], определяют наивысшую стадию развития общества, следующую, за первобытными стадиями дикости и варварства. Гносеологический недостаток этого подхода, исторически правомерного, является то, что он не позволяет раскрыть причины, «...по которым высшая стадия общественного развития реализовалась именно в феномене городской культуры» [3, с. 4], с которой

термин «цивилизация» связан этимологически: лат. *civis* «гражданин», *civitas* (синоним *urbs*) [7, с. 259] «город» и т.д.;

в-третьих, когда понятием цивилизация обозначают «одно из разнокачественных состояний общества в его изменении в реальном историческом времени» [5, с. 919]. Названный подход представляется нам излишне широким, который не позволяет четко раскрыть специфику категории цивилизация;

в-четвертых, когда термином цивилизация обозначают «совокупность организационных средств (программ деятельности), посредством которых люди стремятся достичь тех общественных целей, которые заданы существующими универсалиями культуры и фундаментальными символами последней. В риториках и полемиках публицистическо-пропагандистского уровня слово «цивилизация» обычно исполняет роль позитивного компонента конфликтной диады «Свой» - «Чужие» («Мы» - «Они»))» [5, с. 919]. При названном подходе введение категории цивилизация, с научной точки зрения, излишне, поскольку вполне может быть заменено иным, более корректными (применительно к названной смысловой нагрузке) терминами;

в-пятых, когда цивилизация определяется как предметная форма структуры общества разделенного труда, материализованная из социально-интегративных интересов в форме города [3, с. 4–5]. Автор согласен с Н.В. Клягиным, что «социально-интегративный заряд материальной цивилизации городского типа оказал радикальное воздействие и на духовную сферу, что позволяет дать целостный анализ различных сторон жизни цивилизованного общества. При указанном понимании термина «цивилизация» удастся показать исторически закономерный ход возникновения цивилизованного общества как очередного этапа социальной интеграции» [3, с. 5]. То, что при таком подходе «зарождение начал урбанистической культуры и, следовательно, генезис цивилизации, – в понимании Н.В. Клягина, – коррелирует с неолитической технологической революцией. Поэтому история развития техноло-

гии приобретает первостепенное значение для понимания происхождения цивилизации» [3, с. 5], позволяет нам считать его сегодня наиболее приемлемым для политэкономического исследования проблем возникновения и последующего развития общественного разделения труда. Позитивным является и то, что такой подход позволяет

обосновывать «...предположительную причинно-следственную зависимость между демографическим состоянием общества и степенью сложности практикуемой им технологии, что позволяет объяснить корреляцию основных демографических и технологических революций в человеческой истории» [3, с. 5]. При этом под технологией Н.В.Клягин понимает «набор стереотипных приемов производства, воспроизведение которого гарантирует получение стандартного конечного продукта» [3, с. 5 – 6].

Цель статьи – отобразить реально-онтологическую иерархию экономической системы и институциональных матриц.

Изложение основного материала исследования. Очевидно, что понятие цивилизации неразрывно связано с понятием культуры. Под культурой, вслед за В.С.Степиным, нами будет в дальнейшем пониматься, «система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой деятельности, поведения и общения, выступающих условием воспроизводства и изменения социальной жизни во всех ее основных проявлениях. Программы деятельности, поведения и общения, составляющие корпус культуры, представлены разнообразием различных форм: знаний, навыков, норм и идеалов, образцов деятельности и поведения, идей и гипотез, верований, социальных целей и ценностных ориентаций и т.д. В своей совокупности и динамики они образуют исторически накапливаемый социальный опыт. Культура хранит, транслирует (передает от поколения к поколению) и генерирует программы деятельности, поведения и общения людей. В жизни общества они играют примерно ту же роль, что и наследственная информация (ДНК, РНК) в клетке или сложном организме; они обеспечивают воспроизводство многообразия

форм социальной жизни, видов деятельности, характерных для определенного типа общества, присущей ему природной среды..., его социальных связей и типов личности- всего, что составляет реальную ткань социальной жизни на определенном этапе ее исторического развития» [8, с. 524]. Оставаясь в рамках приведенного определения и практически конкретизируя его Н.В.Клягин предлагает понимать под «культурой общественный способ удовлетворения естественных потребностей, обычно многократно опосредованных» [3, с. 6].

Такое понимание культуры позволяет связать ее напрямую с экономической системой общества. Исходя из задач нашего исследования, правомерно рассматривать цивилизацию как предметную форму структуры общества разделенного труда, материализованную в форме города, как очередного этапа социальной интеграции, возникновение которой коррелируется с началом урбанистической культуры и с неолитической технологической революцией, поэтому история развития технологии и разделения труда приобретает перво-степенное значение для понимания происхождения цивилизации. Культура представляет собой систему исторически развивающихся надбиологических программ человеческой деятельности, выступающих условием воспроизводства и изменения социальной жизни во всех ее основных проявлениях и представляющих собой общественный способ удовлетворения естественных потребностей, обычно многократно опосредованных. Экономическая система общества – это культурный феномен, представляющий из себя единый, устойчивый, организационно оформленный, относительно самостоятельный, материально-общественный комплекс, в пределах которого осуществляются внутренне взаимосвязанное производство, присвоение и социально значимое потребление материальных средств и благ для обеспечения физической жизни общества, а также для создания материальной базы, необходимой во всех остальных сферах общественной жизни. Основу функционирования экономической системы составляют

трудовые отношения, основанные на общественном разделении труда.

Соответственно, одновременного с возникновением цивилизации, культуры, экономической системы общества и политики, возникают и развиваются в тесной взаимосвязи с ними и институциональные матрицы.

В настоящее время при исследовании институциональных матриц гносеологически перспективным представляется методологический подход, опирающийся на три исходных теоретических постулата. «Во-первых, она (гипотеза об институциональных матрицах) разрабатывается в рамках объективистской парадигмы, рассматривающей общество как объективную реальность, существующую вне и независимо от воли и желания конкретных субъектов и развивающуюся по собственным законам. Во-вторых, используется понятие базового института, представляющего собой глубинные, исторически устойчивые формы социальных связей, обеспечивающих интегрированность общества как единого целого. В-третьих, признается тезис триединства общества, при котором оно является одновременно и целостным, содержащим в себе основные подсистемы – экономику, политику, идеологию» [9, с. 26 – 27]. Такой подход, допустимый при социологическом исследовании, не достаточен в рамках современной политэкономии.

Следует так же подчеркнуть, что разграничение и обособление объективистской и субъективистской социальных парадигм обусловлено как объективными, так и субъективными причинами. «С одной стороны, такое разделение позиций отражает реальное устройство общества, в котором представлены как системные, образующие его устойчивые структуры, так и деятельность социальных субъектов, взаимодействующих между собой в рамках таких структур. С другой стороны, проявление двух названных позиций базируется на особенностях познающих общество субъектов, т.е. ученых, склонных больше либо к восприятию неизменной, структурной, либо постоянно меняющейся, деятельностной стороны человеческой истории» [9, с. 35]. Эти особенности научно-

го мышления были раскрыты в трудах А. Маслоу, отмечал преобладание у ученых склонности либо к аналитическому, либо к синтетическому способу построения концепций [10, с. 67–72]. «В соответствии с этим А. Маслоу выделял и два направления в научном труде, на одном полюсе которого преобладает изучение реального, живого, человеческого, а на другом идеального, «бесчеловечного» (общечеловеческого – С.С.), скрытого» [9, с. 35]. Следует отметить, что если с точки зрения анализа социальных явлений протекающих в относительно обособленных социальных системах (исследуемых прежде всего в рамках микросоциологии) такое противопоставление правомерно, то при политэкономическом анализе оно неизбежно будет приводить в научных трудах либо к фактическому игнорированию наличия в обществе людей (субъектов) – при последовательно объективистском подходе, либо к отказу от рассмотрения объективных связей и отношений, идеализации и индивидуализации общественных структур.

По нашему мнению для создания целостной социальной парадигмы, описывающей закономерности развития экономической системы общества (исходя из методологических требований, предъявляемых современной политической экономией) необходимо по новому сформулировать гипотезу об институциональных матрицах. Во-первых, эта гипотеза разрабатывается в рамках объективистской парадигмы, рассматривающей общество как объективную реальность, существующую вне и независимо от воли и желания конкретных субъектов и развивающуюся по собственным законам. Во-вторых, при этом используется субъектный (но не субъективный) подход рассматривающий все социально-экономические отношения в обществе через их персонификацию, т.е. в неразрывной связи с социально-экономическими субъектами, разной степени интегрированности. В-третьих, используется понятие базового института, представляющего собой глубинные, исторически устойчивые формы социальных и социально-экономических связей, обеспечивающих интегрированность общества как единого

целого. В-четвертых, признается тезис триединства общества, при котором оно является одновременно и целостным, содержащим в себе основные подсистемы – экономику, политику, идеологию. В-пятых, признается тезис единства общественно-экономической формации, которая «представляет собой пространственно и социально отграниченную целостную материально-общественную систему, функциональное назначение которой состоит в обеспечении совместной жизни людей в единстве всех ее сторон» [10, с. 6] и включает в себя сферы: материальное производство, производство человека, социальное производство и духовное производство.

Следует отметить, что в настоящее время, в обществоведении и, в частности в социологии, «...несмотря на попытки построения социологами интегративного подхода, объединяющего объективистскую и субъективистскую парадигмы, каждая из них существует и развивается относительно самостоятельно, опираясь на свойственную ей методологическую позицию принципиальной устойчивости или изменчивости общества, а также соответствующую систему понятий,- справедливо отмечает С.Г. Кирдина,- Постепенно преодолеваемое противостояние между социологами, работающими в рамках объективистской и субъективистской парадигм, не снимает, тем не менее, противоречивости их выводов, получаемых при изучении одних и тех же социальных ситуаций... Поэтому зачастую исследователи обосновывают и прогнозируют прямо противоположные траектории развития и социальных изменений» [9, с. 37–38]. Похожая ситуация наблюдается и в современной экономической теории, когда представителя различных экономических специальностей и школ, на основании проводимого ими мониторинга национальных экономик зачастую получают прямо противоположные выводы. Преодолеть это возможно только, во-первых, путем усиления методологической (политэкономической) составляющей в исследованиях всех экономических специальностей и, во-вторых, в возвращении в экономическую теорию живого человека,

со сложной системой мотиваций и социально-экономических интересов. В таком случае объектные и субъектные экономические отношения и структуры будут рассматриваться как взаимодополняющие.

Начиная со второй половины девятых годов прошлого века в российском обществоведении началось осознание необходимости методологического прорыва в исследовании социальных явлений, связанного, прежде всего с преодолением относительной ограниченности объективистской и субъективистской социальных парадигм. Так С.Г. Кирдина следующим образом ставит этот вопрос: «Возможно ли методологически корректное разрешение этой дилеммы (ограниченности объективистской и субъективистской социальных парадигм – С.С.)? Существуют ли связи причинного характера между институциональной и социально-групповой структурами общества? Каковы пределы их влияния друг на друга? В каком соотношении находятся институциональная система и социально-групповая структура общества? И если допускается наличие связей причинного характера между ними, почему до сих пор не удается эти связи четко, на строгом понятийном уровне обозначить и проанализировать?» [9, с. 37–38]. В рамках белорусской экономической теории автор в свое время касался проблем, непосредственно соприкасающихся с заявленной С.Г. Кирдиной проблематикой, в частности при формулировании авторской концепции трансформации социально-классовой структуры общества Республики Беларусь и теоретико-методологическое обоснование государственной экономической политики по реализации этой концепции. На сегодняшний день многие из уже имеющихся у нас методологических наработок, в частности разработанный понятийный аппарат, может быть эффективно применен при раскрытии методологических проблем персонификации институциональных матриц.

При дальнейшем рассмотрении институциональных матриц, исходя из специфики предмета политической экономии («политическая экономия - наука, изучающая отношения между социальными

субъектами, включенными в единый, относительно устойчивый, организационно оформленный материально-общественный комплекс, в пределах которого осуществляется внутренне взаимосвязанное производство, присвоение и социально значимое потребление материальных средств и благ для обеспечения физической жизни общества, а также для создания материальной базы всех сфер общественной жизни. Политическая экономия исследует законы, управляющие развитием экономической системы, а также рассматривает названные системы в различные исторические периоды и эпохи» [5, с. 634]), основное внимание следует уделять изучению устойчивых, существующих как рамки для социально-экономического поведения, глубинных институциональных структур, становление которых обусловлено материальными условиями возникновения и развития общества. При этом большое внимание необходимо также уделять персонификации институциональной матрицы, т.е. социально-экономическим и социальным субъектам. Это означает, что выработанная методология позволит ученым экономистам ответить на вопросы о том, могут ли социально-экономические субъекты воздействовать и как воздействуют на институциональную структуру, как, в свою очередь, институциональная структура формирует экономическую систему и социально-классовую структуру общества.

В представленной работе автор считает целесообразным использовать подход, сформулированный С.Г. Кирдиной для тех случаев, когда в научном исследовании институциональные структуры «...обладают приоритетом - онтологическим и методологическим - перед авторами. Исследование в этом случае направлено на изучение институциональной структуры, сложившейся исторически и определяющей социальные отношения и взаимодействия социальных групп как внешний по отношению к ним фактор. В отличие от теорий старого и нового позитивизма, теория институциональных матриц продолжает тем самым традиции материалистической диалектики в познании общества, точнее, исторического материализма, од-

ной из центральных идей которого являлось изучение необходимых общественных отношений, складывающихся вне зависимости от воли и желания людей» [9, с. 39 – 40]. При этом институты понимаются «...в их глубинном смысле, как системы определенных и неизбежных связей между членами общества, обусловленные внешними условиями выживания социума. Тем самым институты образуют своеобразный скелет общества, обеспечивающий его историческую устойчивость и воспроизводство как социальной целостности» [9, с. 40]. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что в данном контексте изучение институциональных матриц при помощи исследования «необходимых общественных отношений, складывающихся вне зависимости от воли и желания людей» не означает, что надо принимать во внимание человеческие мотивы, потребности и интересы. Однако названный тезис подчеркивает объективный (а не субъективный) характер субъектного социально-экономического поведения, что, как мы уже подчеркивали ранее, позволяет говорить об обусловленности субъектного поведения объективными и субъективными факторами. В вышеприведенной цитате С.Г. Кирдиной, таким образом, была допущена небольшая методологическая неточность, обусловленная тем, что у нее в работах отсутствует четкое разграничение понятий субъективное и субъектное. В рамках политэкономического исследования персонификации институциональных матриц на первое место выступают сущностные, неслучайные, регулярно повторяющиеся (т.е. носящие прежде всего объективный характер) межсубъектные отношения, адекватно описываемые категорией социально-классовая структура общества. Не сущностные, случайные, эпизодические межсубъектные (т.е. синергетические) отношения в экономической теории учитываются лишь в той степени, в какой они могут повлиять на динамику социально-классовой структуры. Для описания этого процесса правомерно использовать категорию социально-классовая организация общества [5, с. 778].

В настоящее время многими русскоязычными авторами справедливо выделяются две крупные тенденции в рассмотрении институтов. Первая тенденция заключается в том, что институты становятся объектом все большего числа общественных наук. Вместе с тем, «...до середины XIX века институты изучались в основном правоведами и понимались как сугубо юридические установления. На рубеже XIX–XX веков институты были включены в предмет возникшей в западноевропейских странах социологии» [9, с. 41]. Э. Дюркгейм, например, рассматривал институты как определенные способы действий и суждений, существующие в обществе вне и независимо от отдельно взятого индивидуума. В двадцатых годах прошлого века социальные институты попадают в поле зрения ученых экономистов, что нашло свое выражение в формировании институционального направления в политэкономии (Т. Веблена, Дж. Коммонса, Дж. М. Кларка, У. Митчела, У. Гамильтона и др.), когда институты стали рассматриваться как образцы и нормы поведения, привычки мышления, оказывающие влияние на выбор стратегий экономического поведения, наряду с мотивацией рационального экономического выбора. Неинституциональное направление, активно заявившее о себе в четвертой четверти двадцатого века придало категории экономический (социально-экономический) институт более широкий смысл, предложив рассматривать институты как важнейшие факторы субъектных экономических взаимодействий. Так, согласно хрестоматийному определению Д. Норта, институты - это «правила игры» в обществе, которые организуют взаимоотношения между людьми и структурируют стимулы обмена во всех его сферах - политике, социальной сфере или экономике. Современная западная социология придерживается аналогичных подходов, рассматривая институт как «устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих различные сферы человеческой деятельности». При этом их отличие от институциональной экономики заключается в акцентировании вни-

мания на значении института для организации системы ролей и статусов, образующих социальную систему [9, с. 42]. В настоящее время институциональные исследования развиваются также в экономической истории, культурологии, антропологии и т.д.

Следует подчеркнуть, что гносеологический кризис в отечественной экономической науке по времени совпал с глобальным изменением объекта экономической науки и расширение пострыночного хозяйственного уклада в экономически развитых странах. На смену классической рыночной экономике, где предприниматель ориентировался на увеличение прибыли, быстро пришла экономика, где вместо этого показателя, определяющим становится капитализация активов (роста цены акций и других ценных бумаг), в результате ускоряется рост фиктивной экономики и происходит ее отрыв от экономики реальной. В свою очередь капитализация активов во многом начинает зависеть от мнения различных рейтинговых агентств и экспертов, и уже нельзя понять, что первично в этой безудержной гонке: сама предшествующая капитализация (когда непрофессиональные участники рынка формируют спрос на ценные бумаги для самих себя), рейтинги и экспертные мнения, или же все-таки реальная экономика? Как результат, перед белорусской наукой встает задача ответить на новые вызовы, когда мы еще не успели определиться с тем, как отвечать на все старые. Архисложная задача. Но, на наш взгляд, выполнимая. Но для этого надо, чтобы в экономической науке стало недопустимым не соблюдение базовых общенаучных и политекономических принципов.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Для усиления продукционного эффекта рыночной системы Беларуси за счет наращивания и оптимизации использования институционального и социального потенциала необходимо формировать новую нравственную социально-экономическую культуру путем:

– конфигурирования процесса организации неформальных объединений в виде деловых сетей, функционирование

которых основано на высокой степени взаимного доверия, постоянных взаимных услугах, негласных договорах, которые лишь отчасти отражаются в формальных договорах, дополняя их. Экономический эффект от социального капитала в данном случае заключается в формировании этики внутрисетевых отношений, позволяющей оказывать широкий спектр неформальных услуг «для своих»: скидки, задержки оплаты, кредиты под низкий процент, вето на использование кабальных условий, запрет на применение силы при решении хозяйственных споров и т.д. В данном случае дополнение юридических (формальных) отношений межличностной системой взаимопомощи, основанной на общих этических принципах, позволяет повысить уровень экономической безопасности бизнеса, т.к. является действенным способом снижения рыночных рисков и нестабильности, катализатором деловой активности;

– совершенствование социально-экономических механизмов получения и использования информации хозяйственными субъектами за счет социального капитала как способа экономии транзакционных издержек. Неравномерность в распределении информации и, соответственно, неполнота обладания ею является важным атрибутом экономической системы общества. Социальный капитал позволяет индивиду получить недостающую информацию путем обмена между участниками соответствующих социальных сетей. Таким образом удастся с наименьшими издержками уменьшить негативные хозяйственные последствия от асимметричности распределения информации и таким образом повысить безопасность экономических систем различной степени интегрированности;

– формирование новых посткапиталистических финансовых отношений на основе нравственных (в том числе и религиозных) принципов. В случае, если кредитные отношения внутри сообщества обладающего достаточным для этого социальным капиталом, строятся на оптимальном сочетании формальных и неформальных финансовых институтов, подкрепленных едиными моральными позициями, то

они становятся более конкурентными чем формальные финансовые институты, работающие в рамках классического капиталистического хозяйственного уклада. В первом случае расширяется ресурсная база кредитования, облегчается получение кредитов, когда залогом выступают не только (и не столько) материальные ресурсы, а доверие, т.е. социальный потенциал кредитополучателя. Сегодня примером такой эффективной системы кредитования может служить исламский банкинг. Становление новых посткапиталистических (нравственных) финансово-кредитных отношений может стать важным фактором обеспечения экономической безопасности как за счет роста устойчивости национальных кредитных институтов в условиях глобального финансового кризиса, так и за счет расширения возможных потребителей кредитных ресурсов - основы для роста внутреннего спроса и расширения экспортного потенциала. В качестве одного из первых шагов в этом направлении может стать, например, создание христианских и исламских банков;

– внедрения новых посткапиталистических механизмов конфигурации управления персоналом (в хозяйственных субъектах и государственных учреждениях) на основе широкого использования социального капитала, накопленного как на уровне общества, так и на уровне экономических субъектов. Так, если на стадии поиска работы социальный капитал позволяет минимизировать асимметрию информации на рынке труда (т.е. снижает индивидуальные транзакционные издержки), то после трудоустройства социальные связи работника являются дополнительным ресурсом (социальным капиталом) для организации. Для самого работника использование возможных социальных сетей создает условия для повышения его индивидуального социального потенциала, в том числе и за счет ресурсов организации в которой он трудится. Последнее выступает фактором повышения индивидуального профессионализма и дальнейшего карьерного роста. В современных условиях хозяйствования этого однако недостаточно для укрепления экономической безопасно-

сти страны. Необходимо, чтобы при использовании работником социального капитала и его накоплении перманентно присутствовал «нравственный фильтр», ограничивающий пределы возможного эгонального поведения;

– усиление субстационарно-гносеологической, идеологической и реально-онтологической функций белорусской общественной науки; наращивание социального капитала науки и на этой основе завершения формирования социально-научного сообщества.

Литература

1. *Клягин, Н. В.* Происхождение цивилизации (социально-философский аспект) / Н.В. Клягин. – М.: Институт философии РАН, 1996. – 148 с.
2. *Бенвенист, Э.* Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М., 1974. – 452 с.
3. *Афанасьев, Ю. Н.* Понятие «цивилизация» во французской историографии / Ю. Н. Афанасьев // Цивилизация и исторический процесс. – М., 1983. – 182 с.
4. *Gabori, M.* La civilisations du Paleolithique moyen entre les Alpes et l'Oural: Esquisse historique / M. Gabori. – Budapest, 1976. – 234 p.
5. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / Главн. науч. ред. и сост. С.Ю. Солодовников. – Минск: МФЦП, 2002. – 1007 с.
6. *Морган, Л. Г.* Древнее общество, или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации / Л. Г. Морган, 1934. – 132 с.
7. *Тронский, И. М.* Очерки из истории латинского языка / И.М. Тронский, 1953. – 367 с.
8. *Степин, В. С.* Культура / В. С. Степин // Всемирная энциклопедия: философия / Главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – Минск: Харвест, Современный литератор, 2001. – 543 с.
9. *Кирдина, С. Г.* Институциональные матрицы и развитие России / С. Г. Кирдина. – Новосибирск: ИЭи ОПП СО РАН, 2001. – 308 с.
10. *Маслоу, А.* Новые рубежи человеческой природы / А. Маслоу. – М.: Смысл, 1999. – 189 с.

References

1. Klyagin, N. V. (1996). The origin of civilization (socio-philosophical aspect). Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 148.
2. Benveniste, E. General Linguist / E. Benvenist. - M., 1974. - 452 p.
3. Afanasyev, Yu.N. (1983). The concept of "civilization" in French historiography. Civilization and historical process. Moscow, 182.
4. Gabori, M. (1976). La civilisations du Paleolithique moyen entre les Alpes et l'Oural: Esquisse historique. Budapest, 234.
5. Solodovnikov, S.Yu. (2002). The Big Encyclopedic Dictionary: Philosophy, Sociology, Religion, Esotericism, Political Economy / Main. sci. Ed. and sost. Minsk: MIFC, 1007.
6. Morgan, L. G. (1934). Ancient society, or the study of the lines of human progress from savagery through barbarism to civilization, 132.
7. Tronsky, I. M. (1953). Essays from the history of the Latin language, 367.
8. Stepin, V. S. Culture / V.S. Stepin // World Encyclopedia: Philosophy / Main. sci. Ed. and sost. A.A. Gritsanov. -Minsk: Harvest, Contemporary Writer, 2001. - 543 p.
9. Kirdina, S. G. (2001). Institutional matrices and the development of Russia / S. G. Kirdin. Novosibirsk: IEI of the OPP SB RAS, 308.
10. Maslow, A. (1999). New frontiers of human nature / A. Maslow. Moscow: Sense, 189.

Солодовников С. Ю.

Економічна система і інституційні матриці: реально-онтологічного ієрархії

У статті розглядаються взаємозумовленість таких феноменів як цивілізація, культура, економічна система та інституційні матриці. При більш детальному розгляді цих соціальних явищ, при спробах розкрити їх системну роль, механізми взаємодії та закономірності спільного функціонування спостерігається повна відсутність єдності не тільки серед представників різних суспільних наук (що можна було б списати на відмінності в предметах цих дисциплін), але і серед політекономів і економістів різних шкіл і напрямків, аж до вимог взагалі відмовитися від дослідження інституціональних (соціальних) факторів в рамках економічної теорії (пропонується обмежуватися вивченням лише матеріально-речових і фінансових факторів).

Ключові слова: економічна система, інституційні матриці, ієрархії, фінансові фактори, реально-речові показники.

Solodovnikov S.

Economic system and institutional matrix: a real-ontological hierarchy

The article considers the interdependence of such phenomena as civilization, culture, economic system and institutional matrices. In a more detailed examination of these social phenomena, when trying to reveal their systemic role, the mechanisms of interaction and the patterns of joint functioning, there is a complete lack of unity not only among representatives of various social sciences (which could be attributed to differences in the subjects of these disciplines) but also among the political and economists of various schools and directions, up to the requirements in general, to abandon the study of institutional (social) factors within the framework of economic theory (the proposal Gaeta limited to studying only the material and real and financial factors).

Keywords: economic system, institutional matrices, hierarchies, financial factors, real-physical indicators.

Рецензент: Павлов К. В. – доктор економічних наук, професор, завідувач кафедри «Економіка та управління» Камського інституту гуманітарних та інженерних технологій, м. Іжевськ, Російська Федерація.

Reviewer: Pavlov K. – Professor, Ph.D. in Economics, Head of Economy and Management Department Kamsky institute of humanitarian and engineering technologies, Izhevsk, Russia.

e-mail: kvp_ruk@mail.ru

*Стаття подана
19.08.2017 г.*

